

Творческій ликъ церкви.

I. Введеніе.

Всякій, входящій къ Церкви, вступаетъ въ царство Истины и приобщается жизни въ Духъ Святомъ. Въ его природномъ естествѣ зарождается новый человекъ. Онъ перестаетъ принадлежать себѣ, освобождается отъ обособленія и одиночества, ощущаетъ себя, какъ вмѣстилище новой жизни: «внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, внутренней со дня на день обновляется» (2 Кор. 4. 16). Загорается свѣтъ въ душѣ, закипаетъ духовная радость. Это можетъ произойти и какъ внезапное потрясеніе (какъ было съ самимъ ап. Павломъ на пути въ Дамаскъ), и въ незамѣтной постепенности. Сознать себя въ Церкви — это значитъ обрѣсти въ своей личности сверхличное начало, чрезъ временное прикоснуться къ вѣчности. Обрѣтеніе истины есть для человека самое важное и единственно цѣнное, чего ему нужно домогаться, какъ того сокровища, скрытаго на полѣ, ради котораго слѣдуетъ все продать. Путь въ Церковь для всѣхъ лежитъ чрезъ таинство крещенія, въ которомъ подается сила богосыновства, и миропомазанія, въ которомъ сообщается даръ Духа Святого. Однако, не для всѣхъ христіанъ сразу становятся явны эти дары, и въ нашей жизни обычно бываетъ, что благодатное рожденіе отдѣляется отъ духовнаго пробужденія многими годами, и, въ такомъ случаѣ, послѣднее наступаетъ, какъ духовное событіе, въ которомъ онъ, какъ бы впервые, получаетъ обладаніе благодатными дарами и исцѣленіе отъ самого себя. У такого человека, естественно, рождается желаніе познавать эту новую жизнь, которая есть Церковь, чтить и любить ее нераздѣльно и цѣльно, проникаться ея началами. Церковь же открывается, какъ въ неизслѣдимыхъ своихъ глубинахъ доступныхъ личному ду-

ховному опыту, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ и проповѣди, которыя доступны изъ ученію. Истина учитъ объ истинѣ и нужно, прежде всего, увѣровать въ это свидѣтельство, подклонить свой разумъ подъ непогрѣшительное ученіе Церкви, признать выше своего личного мнѣнія церковный авторитетъ и выше своей личной воли — власть Церкви. Нужно подыять сладкое, ибо любовью услаждаемое, иго послушанія Церкви, ибо истина дается не личному разуму, какъ бы онъ ни былъ силенъ, но разуму церковному, движимому Духомъ Святымъ. Церковное ученіе содержится въ Словѣ Божьемъ и во всемъ преданіи церковномъ; питаться первымъ и проникаться вторымъ есть настоящійшая потребность обрѣтшаго себя въ Церкви. Если Церковь есть тѣло, то для каждаго ея живого члена, или клѣтки, дана жизнь всего этого тѣла въ полнотѣ и цѣльности его: нѣтъ грани прошлаго и настоящаго, ибо настоящее вмѣщаетъ и хранитъ въ себѣ все прошлое, едина жизнь Церкви, движимая Духомъ Святымъ. Поэтому, хотя и всегда нужно познавать Церковь, но никогда нельзя ее до конца узнать. Въ этомъ урокъ смиренія, но вмѣстѣ и ободреніе. Нужно никогда не уставать въ этомъ приникновеніи къ ученію Церкви, ибо оно, это приниканіе, имѣетъ начало, но не имѣетъ конца. Поэтому нельзя смущаться тѣмъ, что мало и недостаточно знаемъ ученіе Церкви, изъ этого лишь слѣдуетъ, что всегда надо его узнавать. Способность воспріятія человека въ данное время ограничена: ребенокъ и старецъ, ученый и неученый, мужчины и женщины, клиръ и міряне воспріемлютъ — каждый въ свою мѣру — изъ неисчерпаемой глубины Церкви. Поэтому и нашей молодежи, нынѣ, надо имѣть это бодрящее сознаніе и

крѣпкую волю. Познавайте церковную истину всѣми путями, какіе вамъ доступны: изъ чтенія Слова Божія, изъ богослуженія, обрядовъ и установленій церковныхъ, изъ писаній отеческихъ и повѣствованій житійныхъ, изъ книгъ религіознаго значенія, хотя бы непосредственно и не имѣющихъ церковной темы. Знаете мало, старайтесь узнать больше, но не ждите конца этому знанію. Церковное ученіе многократно и многообразно, и для каждаго найдется въ немъ пища, для него доступная. Вѣруйте въ Истину и она сама научитъ васъ. Но первое, чего хотеть отъ васъ Церковь и безъ чего нельзя стать ея живымъ членомъ, есть смиреніе предъ истиной церковной; послушаніе и вѣрность ей. Уже не остается мѣста для исканія *своей* истины, ибо Истина дана въ Церкви. Самочиніе ума, непослушнаго Церкви, есть уже отдѣленіе отъ нея — ересь, а самочиніе воли, непослушной Церкви, есть расколъ — схизма. То и другое осуждается Церковью потому, что противорѣчить самому ея существу.

Однако, здѣсь возникаетъ серьезное недоумѣніе, являющееся источникомъ внутреннихъ смущеній и даже препятствіемъ на пути къ Церкви.

Извнѣ можетъ показаться, что церковное послушаніе есть нѣкое духовное рабство, а подчиненіе себя истинѣ церковной обрекаетъ на духовную лѣность и даже спячку, и поэтому церковность есть покойная подушка для ума и воли. Такое предубѣжденіе въ корнѣ ошибочно, потому что *живая* церковность требуетъ и предполагаетъ высшее напряженіе творческихъ силъ человѣка. Можно сказать даже, что только Церковь и освобождаетъ творчество, ибо сказано Господомъ: «познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іо. 8. 32. 36)), а внѣ личнаго творческаго усилія нѣтъ и пути къ церковности. Тамъ же, гдѣ засыпаетъ умъ, залѣнивается воля и расслабляется чело-

вѣческое естество, тамъ остается только образъ церковности: виѣшнее обрядовѣріе и словесное исповѣданіе и, можетъ быть, еще раболѣпный страхъ, который если и можетъ быть началомъ премудрости, но не конецъ ея. Словомъ, тамъ нѣтъ той подвижной церковности, которая говоритъ намъ словомъ псаломскимъ: **работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ**. Обращаемъ вниманіе, что въ церковномъ языкѣ, выраженіе **творчество** и **творить** нерѣдко примѣняется даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ сами мы, можетъ быть, и не примѣнили бы творческаго начала. Самъ Господь прямо говоритъ о немъ: «безъ Мене не можете творити ничего же» (Іо. 15. 6.), и даже больше того: «вѣрующій въ Меня дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ и больше сихъ сотворитъ» (14. 12). Также такія выраженія какъ: «сотворите добро» (Іо. 5. 29.), «творить волю Отца» (9.31). Въ церковной письменности обычно такое словоупотребленіе: **творить** молитву (Иисусову). Всѣ эти выраженія, конечно, не случайныя, свидѣтельствуютъ, насколько творческая стихія нашего духа и напряженіе ея проявляются и въ церковности, которая не связываетъ, но высвобождаетъ ее. Такая нераздѣльность духовнаго творчества и церковности представляется самой природой Церкви, которая, хотя есть **сверхличное** начало въ жизни, однако, предполагаетъ собой и раскрытіе **личнаго** начала въ его полнотѣ. Такимъ образомъ, вселенское и сверхличное раскрывается въ личномъ, а личное себя обрѣтаетъ въ сверхличномъ. Послушаніе Церкви рождается поэтому не изъ порабощенности, но изъ внутренняго убѣжденія, не изъ скудости, но изъ полноты душевныхъ силъ.

То, что является глубоко личнымъ, тѣмъ самымъ оказывается и творческимъ. Но въ Церкви, хотя и дается общій и даже единственный путь жизни во Христѣ, (по

слову ап. Павла: «живу не я, но живетъ во мнѣ Христосъ», Гал. 2. 20.), однако, каждый обрѣтаетъ, въ немъ и свой **личный** путь спасенія, въ которомъ никто не повторяетъ и не можетъ повторить другого. Въ Церкви, по свидѣтельству апостола (I Кор. 12. 4-5), и дары различны, и служеніе различно, хотя единъ Духъ и Господь; также и судьбы человѣческія различны и неповторимы, имѣютъ на себѣ печать творчества, соотвѣтственно данной имъ «печати Духа Святого». Въ человѣческой жизни творчество приписывается только немногимъ избранникамъ, имѣющимъ нарочитую одаренность, но въ Церкви всѣ одарены и запечатлѣны къ творчеству, — именно къ духовному созиданію себя самихъ. Въ Церкви нужно не только отдаваться, но и брать, не только пребывать, но и утверждаться, ибо и сама Церковь есть и «столпъ и утвержденіе» Истины (I Тим. 3. 15.), Христіанское спасеніе есть творческое строительство, въ которомъ каждый строить **свой** домъ, хотя и на одномъ основаніи, «которое есть Исусъ Христосъ» (I Кор. 3. 11). Развѣ же не есть величайшее творческое напряженіе въ житіи преп. Сергія или преп. Серафима, въ ихъ благодатномъ дерзновеніи? Или преп. Маріи Египетской, или св. Симеона Столпника, или св. Алексія, Божія человека? Церковь сама различаетъ чины или образы святости, но и въ предѣлахъ одного чина святые не повторяютъ другъ друга, хотя и не всегда эти различія уловляются въ житійской письменности. И вообще, единство церковное есть не монотонное повтореніе, но многообразіе въ единствѣ. Какъ не найдется двухъ лицъ съ вполне одинаковой духовной біографіей, даже при большомъ сходствѣ, такъ и не можетъ быть духовнаго пути, который не предполагалъ бы самотворчества, оригинальности, неповторимости. И, при этомъ, во всѣхъ нихъ осуществляется единая жизнь, о которой свидѣтельствуетъ

ап. Павелъ: «уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ» (Гл. 2,20). Это не означаетъ, конечно, что нельзя и не слѣдуетъ у другихъ опытнѣйшихъ **научаться** духовной жизни, совсѣмъ наоборотъ. Но даже отсѣченіе своей воли, отданіе себя въ полное послушаніе старцу, есть также актъ свободнаго творческаго самоопредѣленія и въ этомъ смыслѣ онъ является равнозначущимъ со всякимъ другимъ **самоопредѣленіемъ**. Тамъ же, гдѣ при послушаніи теряется это творческое напряженіе, оно уподобляется военной дисциплинѣ и даже рабству, и, строго говоря, перестаетъ быть церковнымъ. Только на крыльяхъ творческаго вдохновенія поднимается человекъ надъ своимъ естествомъ, въ выси церковности, а съ угашеніемъ духа, отъ котораго не напрасно остерегается ап. Павелъ, церковность утрачивается, даже если сохранять внѣшнія формы. Поэтому при всей своей неизмѣнности въ существѣ она всегда является новою и «современною» (и напрасно боятся этого слова). Старое звучитъ по новому, и новое себя обрѣтаетъ въ старомъ: тайна многоединства! Безумна и грѣховна мысль измѣнить что-либо въ Церкви внесеніемъ подлиннаго новшества, но столь же безумно иссушить или остановить исторію и церковность превратить въ археологію.

Церковь, единая и неизмѣнная, однако, вмѣщаетъ въ себя исторію, которая не есть пустое чередованіе временъ, но есть и исторія Церкви, совершается въ ея предѣлахъ. И каждый себя находитъ и осуществляетъ въ Церкви въ своемъ собственномъ ликѣ, творчески. Въ Церкви соединяются оба лика жизни, — вѣчный и неизмѣнный, какъ и историческій и творческий. Раскрытію нѣкоторыхъ сторонъ этого взаимоотношенія, мы надѣемся посвятить дальнѣйшіе очерки.

Протоіерей Сергій Булгаковъ

Парижъ.